Солнце красное от лица божия,
Млад-светел месяц от грудей божьих,
Зори ясные от риз божьих,
Звезды частые от очес божьих,
Дожди сильные от мыслей божьих,
Ветры буйные от свята духа,
Самого Христа, царя небеснаго.[1]

В приведенных стихах бог выступает скорее как источник мироздания, нежели как творец мира. Бог не творит мир, как отдельно стоящая от него сила. Лицо, очи, грудь, одежда бога являются источниками природных стихий. При таких космогонических представлениях бог как бы сливается с природой.

Едва ли мы ошибемся, если будем толковать эти представления как проявление стихийного народного пантеизма. Это, конечно, не философский пантеизм, появление которого Энгельс рассматривал как результат влияния на идеалистические системы успехов естествознания, как попытку „сгладить противоположность между материей и духом".[2] Тем не менее наивный стихийный пантеизм народных масс, выраставший на основе постоянного общения человека с природой в процессе труда, в средние века, в условиях господства религиозного мировоззрения, представлял собой форму народного вольномыслия. Нам представляется вполне допустимым, что в основе обряда исповеди земле у стригольников лежали именно эти стихийно-пантеистические мотивы, свойственные народному мировоззрению средневековья.[3]

Таким образом, совершая исповедь, стригольники каялись не земле, а богу, но при этом, вероятно, они припадали к земле или совсем простирались ниц и с лицом, обращенным долу, произносили слова покаяния. Отсюда у врагов стригольников, представителей ортодоксального православия, могло возникнуть мнение о том, что в основе обряда исповеди у стригольников лежало полуязыческое поклонение земле. На самом деле, как нам кажется, содержание этого обряда составляла исповедь не земле, обладающей функциями божества, а богу, присутствующему везде в природе.

Идеология стригольничества не оставалась неизменной в течение всего периода существования ереси. Основные черты учения стригольников сложились в XIV веке. В первой половине XV века, когда ересь, подавленная в Новгороде, перебросилась в Псков, в стригольничестве появляются течения с различными идеологическими оттенками. О наличии этих течений свидетельствует грамота митрополита Фотия псковичам от 22 июня 1427 г. В этой грамоте Фотий пишет: „Слышу, тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестияньстве небрегуще, но и чин великаго божья священьства и иночества яко ни во чтоже полагающе, но и умаляюще; и тех, по слышанию слышу, иже яко Садукеемь онемь проклятым подражающе суть, еже яко и въскресенью не надеюще быти мняху".[4] Таким образом, Фотий отличает основное направление стригольничества, главным тезисом которого являлось отрицание духовенства и монашества, от его крайнего левого течения.

---

[1] Голубиная книга. Калеки перехожие. Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, вып. 2, М., 1861, стр. 274—275.

[2] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 646.

[3] В этой связи считаем нужным отметить, что некоторые западноевропейские еретические учения также заключали в себе элементы пантеизма. Пантеизм, как мы указывали выше, Энгельс усматривал в мировоззрении Мюнцера.

[4] РИБ, VI, № 55, стр. 475—476.